

©

*Гуревич Э.М.
ИВ РАН*

СИНГАПУР ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 2011 г.

В политической жизни Сингапура 2011 г. был чрезвычайно богат знаменательными событиями, которые обозначили определенные вехи в истории становления и развития островной республики.

7 мая состоялись очередные парламентские выборы. Предсказуемую победу на них одержала правящая Партия Народного Действия (ПНД), получившая 81 из 87 мандатов в однопалатном парламенте¹.

Неожиданностью стал серьезный успех оппозиции. Она выставила своих кандидатов в 14 из 15 многомандатных и в 11 из 12 одномандатных округов, но победила только в двух из них. В обоих случаях 6 мест в парламенте получила Рабочая партия (РП) – главный политический оппонент правящей ПНД. В соответствии с действующим в стране законодательством о парламентских выборах оппозиция получила еще три места. Их заняли два кандидата от РП и один от Сингапурской Народной партии, набравшие в своих избирательных округах более 15% голосов². Впервые в истории независимого Сингапура оппозиции удалось провести в высший законодательный орган страны такое количество своих кандидатов. На предыдущих выборах 2006 г. Рабочая партия получила лишь один депутатский мандат, второй – Демократическая партия Сингапура.

В целом, прорыв на выборах, который совершила оппозиция в лице РП, не изменил расстановки сил на политической арене города-государства. ПНД сохранила свои доминирующие позиции. За нее проголосовал 1.214.514 избирателей (60,13%) из 2.016 млн. человек, принявших участие в выборах. (В 2011 г. правом голоса обладали 2,3 млн. человек)³. Тем не менее, почти 40% голосов, отданных за оппозиционные партии, свидетельствовали об усилении протестных настроений электората, недовольного мерами правительства ПНД по решению ряда социально-экономических проблем: растущего в обществе неравен-

ства, не снижающейся инфляции, дорожающего жилья и медицинских услуг. Особую озабоченность и острую критику со стороны коренных сингапурцев вызывала, с их точки зрения, излишне либеральная иммиграционная политика правящих кругов. Возникшая в обществе напряженность между местным населением и «понаехавшими» стала едва ли не главной причиной потери ПНД 6 мест в парламенте.

Не менее важным событием в политической жизни страны стали состоявшиеся 27 августа всеобщие выборы президента. Впервые на этот пост претендовали четыре кандидата. Победу одержал бывший вице-премьер 71-летний Тони Тан, опередивший своего соперника Тан Чен Бока (глава морской транспортной компании) всего на 0,4% (35,2% и 34,85 соответственно)⁴. Из-за минимального разрыва потребовался вторичный пересчет бюллетеней⁵.

Несмотря на тот факт, что Тони Тан и Тан Чен Бок – оба бывшие кадровые члены ПНД*, на протяжении ряда лет представители партии в парламенте, а их программы мало отличались одна от другой, полученное ими почти равное количество голосов избирателей дало повод для широкой дискуссии о расколе общества. Но, скорее всего, столь неожиданные итоги выборов можно рассматривать, как ответную реакцию сингапурцев на слишком явное предпочтение, которое правительство и премьер Ли Сянь Лун отдавали Тони Тану, а, с другой, как проявление определенных расхождений во мнениях и предпочтениях среди традиционных сторонников правящей партии. Одни проголосовали за Тони Тана – представителя партийно-государственной элиты, другие предпочли более нейтрального кандидата, который не выступал бы против правительства, но в случае необходимости мог высказать свое независимое мнение. И этими качествами, с их точки зрения, обладал Тан Чен Бок.

Кроме того, характер и направление развития общественно-политических процессов последних 50 лет, когда, вопреки

* Вышли из её состава, вступив в президентскую гонку. Закон запрещает претендентам на высший пост в государстве состоять в политических партиях. Президент избирается всем народом и действует от имени всего народа.

трудностям и испытаниям, стране удавалось избегать острых социально-политических и межэтнических конфликтов, говорят в пользу того, что результаты как парламентских, так и президентских выборов надо признать естественным движением к более плюралистичному обществу. Правда, пока оно не достигло той интенсивности и скорости, когда правительство утрачивает возможности к маневру. Более того, прагматичные сингапурцы хотят, чтобы в обществе сохранялся определенный баланс политических сил и политическая стабильность.

Сразу после парламентских выборов произошло еще одно, пожалуй, самое главное событие: о своем уходе с поста министра-наставника объявил Ли Куан Ю – создатель современного Сингапура, один из самых ярких и успешных политических деятелей Азиатско-Тихоокеанского региона второй половины XX в. С именем этого человека неразрывно связана вся история современного Сингапура, начиная с 1954 г., когда Ли Куан Ю возглавил созданную им и группой его единомышленников Партию Народного действия, затем в 1959 г. стал первым премьер-министром «самоуправляющегося государства» Сингапур, а затем с 1965 г. по 1990 г. возглавлял кабинет министров Республики Сингапур. Ли Куан Ю – лидер харизматического типа, склонный к авторитарным методам управления, но при этом умеющий подчинять собственные амбиции интересам дела и принимать компромиссные решения. Это редкое для руководителя такого плана качество помогало ему формировать команду не по принципу личной преданности, а выбирать лучших из лучших – наиболее способных, целеустремленных, образованных и профессиональных людей, готовых поддерживать и следовать тем высоким моральным и нравственным стандартам, которые Ли Куан Ю стремился соблюдать сам и предъявлял к своим соратникам.

В чрезвычайном усилении личной власти премьер-министра как в партии, так и во властных структурах большое значение имел и безусловный авторитет Ли Куан Ю, как лидера партии, приведшей страну к независимости.

Интерес к опыту Сингапура вызывает тот факт, что без преувеличения триумфальных успехов страна достигла при утвердившейся там авторитарной системе власти и бессменно-

го, фактически монопольного правления Партии Народного действия. Впервые она пришла к власти еще в 1959 г., когда Сингапур получил статус «самоуправляющегося государства» под опекой Англии.

За три десятилетия «недемократичного», но разумно прагматичного руководства Ли Куан Ю бывшая английская фактория превратилась в одну из самых преуспевающих стран мира, стала центром финансовой, деловой и производственной активности, сумела обеспечить своим гражданам самый высокий уровень жизни в ЮВА (50 тыс. долл. США), занять важное место как в региональной экономике и политике, в мирохозяйственных связях и международных отношениях и совершить гигантский скачок из «третьего» мира в «первый» (1996 г.).

Талантливый и дальновидный политик, к тому же наделенный недюженными способностями организатора, Ли Куан Ю сумел создать четко структурированную по сути авторитарную, основанную на тщательно разработанной законодательной базе систему государственного устройства, которая тем не менее стала одной из главных составляющих экономического расцвета города-государства.

Важно отметить, что источники утверждения авторитарных тенденций в структурах государственной власти Сингапура были связаны не только и даже не столько с политическими приоритетами или личностными качествами Ли Куана Ю, как руководителя страны (хотя, безусловно, они оказывали существенное, а иногда определяющее влияние на направление развития общественно-политических процессов), сколько определялись рядом объективных и субъективных причин. Речь идет прежде всего о воздействии внешних импульсов, обуславливающих необходимость ускоренной модернизации как способа ликвидации экономической зависимости, об общей структурной раздробленности общества и, в частности, дезинтегрированности политической и экономической сфер, когда политическая надстройка определяла направление изменений базисных и социальных структур.

Укрепление и расширение функций исполнительной власти на начальном этапе модернизации влечет активное вмешательство государства в осуществление экономических реформ,

что позволяет мобилизовать ресурсы общества, необходимые для создания современной экономики и обеспечить политическую стабильность.

Существенную роль в оформлении авторитарно-этатистской системы власти сыграли особенности традиционной, конфуцианской, политической культуры, учитывая, что этнические китайцы составляли 76% населения страны. В контексте Сингапура этот фактор приобрел особое значение. С одной стороны, именно эта традиция, тяготеющая к авторитарной власти, сильному лидеру и патронату государства над личностью способствовала сохранению авторитарных начал в политической системе города-государства.

И пройденный Сингапуром путь становления и развития национальной государственности является тому наглядным примером.

Перед руководством молодой республики стояли серьезные экономические и политические проблемы, решение которых чрезвычайно затруднялось, учитывая специфику положения города-государства. Кратковременное пребывание Сингапура в составе Федерации Малайзии (1963–1965 гг.) ожидаемых результатов не принесло. Малайзия стремилась ослабить свою традиционную зависимость от Сингапура, являвшегося ее торгово-финансовым центром, ограничив использование сингапурского порта в своих внешнеторговых операциях. Несмотря на значительные структурные преобразования в экономике страны, в середине 1960-х годов хозяйство Сингапура все еще в большой степени зависело от реэкспортной торговли, а программы индустриализации предусматривали развитие трудоемких отраслей производства с целью решить все еще острую проблему безработицы.

Пытаясь преодолеть трудности самостоятельного развития, Ли Куан Ю и его соратники приложили большие усилия для консолидации общества вокруг осуществления преобразований и укрепления массовой базы режима, претворявшихся в жизнь под лозунгом «национального выживания», трактовка которого в политической практике обретала разные формы. Так, магистральным путем обеспечения экономической независимости стало следование концепциям «экономического ин-

тернационализма» и «глобального города», в соответствии с которыми городу-государству Сингапуру было необходимо прочно войти в систему мирохозяйственных связей и утвердиться на мировом рынке.

Выбор этой концепции был продиктован необходимостью обеспечить форсированное развитие экономики страны, осуществляемого капиталистическими методами хозяйствования. В отсутствии собственной сырьевой базы основная ставка была сделана на человеческий ресурс, предприимчивость, социальную дисциплину, образование. В финансировании промышленного развития главную роль играл частный капитал – местный и особенно иностранный. Для того, чтобы обеспечить зарубежным инвесторам предельно либеральные условия, принимаются законы, которые должны были ликвидировать любые ограничения на перевод за рубеж прибылей и репатриацию капитала, дать гарантию их капиталовложениям и предоставить дополнительные налоговые льготы⁶. Была свернута кампания импортного протекционизма. Сингапурский порт был объявлен свободным для тех товаров, которые традиционно составляли основу реэкспортной торговли (каучук, олово, железная руда, копра, перец, древесина), а вслед за этим парламент одобрил представленный правительством план по созданию «зон свободной торговли», на территории которых товары, предназначенные для реэкспорта, освобождались от уплаты пошлин. В результате принятых мер, иностранный производственный сектор стал основой таких современных отраслей, как электронная, нефтеперерабатывающая, химическая.

В основе политического аспекта лозунга «национального выживания» лежало стремление сингапурского руководства сохранить в стране политическую стабильность, которая рассматривалась как одно из основополагающих условий успешного осуществления экономических реформ. Для достижения поставленной цели был установлен всесторонний контроль над общественно-политической жизнью, в том числе включавший и ограничения деятельности оппозиции, особенно левой.

Принятое в стране законодательство о партиях и общественных организациях, вводило жесткую правовую регламентацию политической деятельности, установившую ряд условий,

которым должны удовлетворять партии, чтобы получить и сохранить легальный статус. Им вменялось в обязанность представлять соответствующим государственным органам свои уставы и программные документы, ежегодные финансовые отчеты с указанием своих финансовых источников. Действие закона о внутренней безопасности (принятого еще в 1948 г.) дало властям право запрещать деятельность любой партии или общественной организации под предлогом угрозы стабильности и порядку.

Наряду с этим правительство ПНД установило контроль над рабочим и профсоюзным движением. Руководство страны, твердо убежденное, что залогом успешного выполнения намеченных программ является низкая заработная плата и дисциплинированная армия труда, пришло к выводу, что существовавшее в стране трудовое законодательство излишне либерально и профсоюзы имеют слишком широкие права. Руководство ПНД сочло необходимым «вмешаться». Был разработан ряд законов и внесены поправки в закон о деятельности профсоюзов, лишавшие рабочих права на забастовку.

На фоне наметившегося экономического роста и создания новых рабочих мест, повышения уровня жизни основной массы населения отношения конфронтации начала 1960-х годов было переведено в русло сотрудничества в рамках трехстороннего союза – правительство – предприниматели – профсоюзы, что ограничило возможности для усиления любой другой партии.

Осуществление подобного курса стало возможным в значительной мере благодаря установкам Социалистического фронта (далее СФ) – главного идейного противника ПНД, еще с начала 1960-х под влиянием маоистской пропаганды тех лет, избравшего левоэкстремистскую тактику. СФ объявил независимость Сингапура фикцией, а саму республику неокOLONиальным государством. В стране, только что ставшей независимой, столь непопулярная позиция не нашла поддержки даже среди ее сторонников. В октябре 1966 г. СФ отозвал из парламента пятерых своих кандидатов и объявил о начале «внепарламентской борьбы, вылившейся в забастовки, уличные беспорядки, разжигание шовинистических настроений среди китайского населения, организацию студенческих волнений в китайских

учебных заведениях. В целях сохранения в стране стабильности власти были вынуждены принять жесткие меры в отношении партии и связанных с ней профсоюзов и молодежных организаций. Из учебных заведений были исключены десятки студентов, замешанных в волнениях, и арестованы члены руководящего звена партии.

Отказ СФ от работы в парламенте освободил для ПНД конституционную арену политической борьбы.

В результате состоявшихся 13 апреля 1968 г. всеобщих выборов превзошли ожидания, ПНД заняла все 58 мест в парламенте.

После выборов в стране установился режим «однопартийной парламентской демократии с характерным для данной политической модели наличием значительных элементов авторитарности, как в самой партии, так и в масштабах государства. Монопольные позиции в парламенте ПНД удалось сохранить и на последующих выборах 1972, 1976 и 1980 гг., в которых уже принимала участие и оппозиция, в том числе СФ.

Вместе с тем, правительство Ли Куан Ю, стремясь обеспечить себе авторитет в глазах широких слоев населения и памятуя о силе и размахе левого движения в послевоенном Сингапуре, пошло на удовлетворение многих насущных общественных потребностей. Начавшийся экономический подъем способствовал повышению общего уровня жизни народа. В итоге правящая ПНД, перешагнув через коммуналистские барьеры, сумела вовлечь в орбиту своего влияния различные социально-политические группы и слои: местную буржуазию и, прежде всего, ее промышленно-банковский слой, часть городских средних слоев и рабочего класса.

Однако во внутривнутриполитической жизни стали все отчетливее проявляться новые тенденции. В обществе нарастало недовольство представителей различных слоев населения и даже некоторых членов самой ПНД, полагавших, что в условиях усиления власти правящей партии политическая система не сможет успешно развиваться без «ответственной и лояльной оппозиции». Власть постаралось найти наиболее приемлемый для нее способ решения данного вопроса.

В начале 1984 г. правительство Ли Куан Ю подготовило проект закона, гарантировавшего присутствие в парламенте ограниченного числа членов оппозиции. На его основе парламент принял поправку к конституции о парламентских выборах. Поправкой предусматривалось, что даже если ни один из представителей оппозиции не победит на предстоящих выборах, все равно она будет иметь три места в парламенте. Занять их, однако, могли только те ее кандидаты, которые набрали не менее 15% голосов в своих избирательных округах. Назначенные от оппозиционных партий кандидаты не имели права голоса по валютно-финансовым и конституционным вопросам⁷.

На очередных всеобщих выборах, состоявшихся 22 декабря 1984 года двум оппозиционным партиям – Рабочей партии и Демократической партии Сингапура удалось провести в парламент по одному своему кандидату. Безусловно, такое немногочисленное представительство оппозиции даже с учетом предоставления ей еще четырех мандатов в соответствии с новым законом, повлиять на обстановку в парламенте не могло. ПНД сохраняла свои доминантные позиции в высшем законодательном органе страны.

Но, итоги выборов 1984 г. положили начало новому этапу во внутривластном развитии Республики Сингапур. К началу 1990-х утверждавшиеся в предыдущий период основы государственного устройства и управления основы формально схожего с западными либерально-парламентскими прототипами (формирование представительных органов власти на основе всеобщих выборов, сохранение многопартийной структуры и т.д.), но по сути авторитарной системы, стержнем которой оставались ПНД и сильная исполнительная власть, постепенно трансформируясь под напором меняющихся настроений в обществе, обрела свои действующие и поныне, отчетливые контуры и характерные особенности. Эта далеко не идеальная, но на протяжении почти полувека демонстрирующая свою гибкость и адаптивность политико-экономическая модель представляет собой сложное соединение социал-реформизма в политике, свободного рынка в экономике (при организующей роли государства в экономической, политической, социальной и идеологической сферах), модернизированного конфуцианства и

авторитарно-бюрократического начала, пронизывающего все поры общественного организма. Высокая степень персонализации в политике и как следствие возможность единоличного лидерства, функционирование системы «доминантной партии» при сохранении партийного плюрализма, собственная партоткратия, цензура, преследование оппозиции – наличие указанных характеристик свидетельствует о том, что авторитарные начала все еще продолжают оставаться отличительной особенностью политической системы города-государства.

Смешанная или «селективная» форма режима позволила добиться массового признания не только силой и устрашением, но разумным сочетанием создания оптимальных условий для укрепления позиций местной буржуазии с удовлетворением насущных потребностей широких масс населения. Изначально экономическая модернизация осуществлялась не в ущерб, а параллельно с качественным улучшением социальной сферы. Чтобы сгладить крайности рыночно экономики, на протяжении всего периода пребывания у власти ПНД, руководство страны проводило и проводит политику перераспределения национального дохода, субсидируя такие социально значимые сферы деятельности как здравоохранение, образование, строительство жилья, доступного для большинства населения. Неизменным кредо для Ли Куан Ю и всей правящей элиты – создание эффективной экономики в интересах всего общества, как залог стабильности и «выживания» города-государства.

Именно авторитарная власть создала оптимальные условия для осуществления модернизации, интеграции и консолидации мозаичного общества иммигрантов в государство современного типа, демонстрировавшего динамизм и устойчивость экономического роста. Что касается места и роли ПНД в структуре власти, то произошло сращение партии и государства: партийные функционеры возглавили основные звенья государственного механизма. Партийно-государственный контроль стал главной регулирующей силой в экономической, политической, социальной, идеологической и культурной сферах, в строительстве гражданского общества, в ускорении или замедлении демократизации общественных процессов. Ее идеи в отношении формирования многонационального общества, утвер-

ждения принципов меритократии, борьбы с коррупцией, представления о том, на каком языке разговаривать гражданам страны, сколько детей иметь и т.д. утвердились в общественном сознании как основополагающие ценностные установки формирующейся политической культуры ПНД ограничила возможности для усиления позиций любой другой партии, монополизировав стратегически важную основу политической деятельности – профдвижение, установив контроль над прессой, массовыми и общественными организациями. Жесткая правовая регламентация политической деятельности, сохранявшийся в силе еще с колониальных времен закон о внутренней безопасности, позволявший властям без суда и следствия арестовывать людей по подозрению в угрозе стабильности, оставались эффективным средством борьбы правящей партии с ее политическими противниками. По отношению к ПНД все другие партии были вытеснены на периферию политической системы и не оказывали заметного влияния на ее функционирование.

Следует подчеркнуть особую роль государства, которая является спецификой этой политико-экономической модели. Необходимость консолидировать местное общество и мобилизовать все ресурсы на форсированное экономическое развитие повлекло за собой расширение границ деятельности государства. На протяжении четырех с лишним десятилетий оно остается главной регулирующей силой в экономической, политической, социальной и культурно-идеологической сферах, строительстве гражданского общества, в ускорении или замедлении демократических преобразований. Росло число государственных и смешанных компаний с привлечением как местного, так и иностранного капитала. Государство стало основным инвестором строительства жилья. Но, как неоднократно подчеркивали сингапурские реформаторы, государственное вмешательство в экономическую сферу не означало стремления заменить им местное частное предпринимательство. Учитывая, что доля местного капитала в обрабатывающей промышленности была невелика (8–10%) ввиду его традиционной ориентации на торгово-посредническую деятельность, государство фактически взяло на себя функции местной буржуазии как в осуществлении планов индустриализации, так и в качестве партнера ино-

странного капитала. Успешное функционирование госпредприятий дало в руки правительства экономические рычаги, позволявшие установить определенные границы влияния на него крупного бизнеса и расширить самостоятельность правящей элиты.

По мере расширения управленческих функций и предпринимательской деятельности государства реформировалась вся система государственной службы.

Руководство страны, стремясь к скорейшему осуществлению проектов экономического развития и учитывая негибкость бюрократической машины учредило специализированные агентства, действовавшие под эгидой соответствующих министерств. Агентства наделялись широкими организационными и исполнительными полномочиями и были призваны управлять теми областями экономики, которые требовали конкретной специализации в выполнении проектов государственного значения. Такие агентства, как Совет экономического развития, главная задача которого состояла в привлечении иностранных инвестиций и технологий в экономику Сингапура, Совет по жилищному строительству, в кратчайшие сроки решивший острейшую для страны проблему широкого строительства доступного для населения жилья, и пр. сыграли важную роль в процессе модернизации Сингапура.

Создание двухступенчатой бюрократической системы с разделением на две группы – чиновников общего профиля и специалистов существенно сдерживало разбухание штатов министерств. В функции последних входило осуществление налоговых и финансовых мероприятий, разработка и проведение общественных работ, развитие инфраструктуры, капиталовложений и т.д.

Кадровой политике уделялось особое внимание. Так, комиссия по делам государственной службы предоставляла многочисленные гранты и стипендии наиболее способным сингапурским студентам, независимо от их этнической принадлежности и социального статуса. Многие из них получали образование в лучших университетах США и Европы. В свою очередь, по окончании обучения они были обязаны отработать в государственных учреждениях 4–6 лет⁸.

Система оплаты труда чиновников в Сингапуре, одним из самых убежденных сторонников которой был Ли Куан Ю., можно сказать, тоже уникальна. Разрыв в заработной плате чиновника высшего ранга превышает заработок рядового служащего почти в 50 раз.

В частности, заработная плата премьер-министра Сингапура составляла в 2012 г. 2,2 млн. ам. долл. в год и оставалась одной из самых высоких среди глав правительств ЮВА⁹.

Жалованье государственных служащих приближено к заработной плате чиновников сопоставимого ранга в частном секторе. Но, если доходы в частном секторе снижались, например, в связи со спадом экономики, то обычно снижается заработная плата всех министерств и высших должностных лиц, включая президента, премьер-министра, а также членов парламента¹⁰.

Сингапурские чиновники считаются самыми высокооплачиваемыми, что, с точки зрения первых лиц государства, служит важным фактором, препятствующим коррупции.

По оценкам многих международных организаций государственная служба Сингапура – одна из самых лучших в мире. Ее основу составляет дисциплина, высокий профессионализм чиновников всех уровней, постоянное совершенствование качества предоставляемых услуг. Сингапур едва ли не первый ввел в действие систему электронного правительства. Но главное в характеристике сингапурского чиновничества, что так выгодно отличает его от бюрократии многих стран мира – это отсутствие коррупции.

Победить коррупцию, без чего было бы невозможно выбиться в лидеры экономического развития, Сингапур смог в первую очередь благодаря своему первому премьер-министру Ли Куан Ю – самому непреклонному и бескомпромиссному борцу даже с малейшими проявлениями взяточничества и казнокрадства, особенно среди высокопоставленных чиновников. Правительственный курс был подкреплён тщательно разработанным антикоррупционным законодательством. В его реализации на практике большую роль сыграло Бюро по расследованию случаев коррупции как в государственном, так и частном секторах. Директор Бюро подчинялся лично премьер-министру.

Это означает, что никто не имел права вмешаться в ход расследований¹¹.

Закон о противодействии коррупции наделял Бюро обширными полномочиями. Помимо его основной функции – расследование случаев коррупции, оно имело право вести следствие, проверять правомерность действий и решений государственных служащих. Во всех бюрократических структурах были установлены жесткие правила поведения госчиновников всех уровней. В частности, им вменялось в обязанность отчитываться перед налоговой службой как за себя, так и за ближайших родственников о доходах, расходах, участии в инвест-проектах и полученных дивидендах. Если расходы чиновника существенно превышали его официальные доходы и не могли быть подтверждены документально, то в дело вступало Бюро по расследованию случаев коррупции¹².

Борьба с коррупцией началась с высших эшелонов власти. Ряд министров уличенных в коррупции были приговорены к различным срокам тюремного заключения, другие бежали из страны.

Методы работы Бюро, которое в народе называли «Бюро по расследованию заразной жадности», были (и остаются) достаточно жесткие, но весьма эффективные. В результате Сингапур уже на протяжении многих лет входит в десятку наименее коррумпированных стран мира.

Как уже говорилось выше, активная экономическая деятельность государства дала в руки правительства экономические рычаги, позволявшие установить определенные границы влияния на него крупного бизнеса и расширить самостоятельность правящей элиты. Буржуазия, являясь экономически доминирующим классом сингапурского общества, публичной властью не владела, хотя, безусловно, отдельные представители банковских кругов, крупного бизнеса допускались в высшие властные структуры. Рычаги управления сосредоточивались в руках мелкобуржуазной, в основном европейски образованной интеллигенции: профессиональных политиков, технократов, верхушки гражданской бюрократии, сочетавших в своей деятельности создание оптимальных условий для укрепления по-

зиций местной буржуазии с удовлетворением насущных потребностей широких масс населения.

За годы независимости сингапурскому руководству удалось так усовершенствовать процедуру передачи власти, главным идеологом и разработчиком которой был Ли Куан Ю, что она превратилась в эффективный и рациональный механизм, избегая при этом обычных в таких случаях столкновений интересов и борьбы за власть, что характерно не только для худших, но и для лучших образцов демократии. На протяжении ряда лет составлялся банк данных на потенциальных кандидатах, которые могли бы войти во властные структуры. В него включались молодые люди в возрасте 30–40 лет, которые получили образование в престижных университетах Сингапура и за рубежом. Отбирались не только лучшие из лучших, приверженные базовым ценностям партийно-политического руководства, но и отвечавшие тем высоким морально-этическим стандартам, которым старалось следовать первое поколение сингапурских лидеров во главе с Ли Куан Ю. В итоге смена руководства происходила постепенно, не нарушая сложившейся системы власти, сохраняя высокий уровень доверия инвесторов и фондового рынка, по контрасту с непредсказуемостью, а иногда и кровопролитием, которыми зачастую сопровождаются перестановки во властных структурах многих стран.

С точки зрения западного либерализма, безусловно авторитарный контроль над процессом отбора и подготовки новых поколений руководителей с позиций Ли Куан Ю и его последователей является надежным гарантом того, что удастся сохранить эффективное, честное, некорруптированное правительство. Более того, по их мнению, так решается двуединая задача: преемственности поколений, а, следовательно, и определенной предсказуемости событий, жизнеспособности и соответствия системы требованиям времени. Сочетание этих условий обеспечивает устойчивость системы и политическую стабильность.

Выше мы уже подчеркивалось, что укорененность в массовом сознании многих элементов конфуцианской ПК сыграла свою роль в сохранении авторитарных начал в политической системе Сингапура.

Вместе с тем, важно отметить, что одним из главных факторов, обусловивших быстрый экономический расцвет города-государства, обычно считают именно его принадлежность к «конфуцианскому ареалу». Действительно, проявленное командой Ли Куан Ю умение рационально сочетать выработанные под воздействием конфуцианской этики дисциплинированность, трудолюбие, престиж образования, стремление к консенсусу и социальному миру с передовым опытом, знаниями, технологиями и капиталами ведущих стран Запада не только придали самобытный облик модели развития города-государства, но и внесли значительный вклад в реализацию общей стратегии развития.

Тем не менее при выработке основополагающих установлений национальной идеологии под названием «Коллективные ценности», которая появилась в Сингапуре только в 1991 г. в нее были заложены универсальные, с точки зрения разработчиков доктрины, не имевшие явной этнической родословной морально-ценностные установки, такие как приоритет интересов общества над интересами личности, семья – главная ячейка общества; консенсус, а не конфронтация; социальная гармония и веротерпимость, которые позволяли использовать их как общую систему ценностей, символизировавшую собой «азиатский путь к процветанию». Эта доктрина должна была придать новый импульс интеграции социума и идентификации граждан, т.е. привести к созданию «сингапурского Сингапура».

За полвека авторитарной политической практики сингапурскому руководству удалось достичь существенных успехов в создании полиэтнического государства (при том, что китайцы составляют 3/4 его населения) на основе равенства китайского, малайского и тамильского этносов. В общественно-политической жизни страны фактически утвердилась концепция «меритократического общества», где действовал принцип продвижения на руководящие посты наиболее талантливых и квалифицированных людей независимо от их этноконфессиональной принадлежности и социального статуса. Устранение роли этнического фактора в движении человеческих ресурсов создавало условия для достижения определенного экономического и политического равновесия между различными община-

ми, что позволило руководству страны объединить все этнические группы в созидательном труде и таким образом ограничить причины потенциальных межэтнических конфликтов. Все эти годы Ли Куан Ю и его преемники, проводя политику сохранения этнокультурной гетерогенности в отношении всего общества, утверждали альтернативный проект сближения различных этнических групп на базе английского языка и надэтнической городской культуры. Все эти факторы стали залогом успешного осуществления государственной политики «сингапуризации» общества.

Но, в отношении оппозиции власти, имея поддержку и в стране и за рубежом, продолжали проводить такую же неадекватно жесткую политику.

Как полагали сингапурские руководители, для модернизации, как возможности приспособления к меняющейся глобальной среде такого специфического образования, как город-государство Сингапур, чрезвычайно подверженного внешним влияниям и вызовам, требовался «крепкий» политический режим с легитимной правящей партией.

Избранный на второй срок в 2011 г. премьер-министр Ли Сянь Лун, например, неоднократно подчеркивал, что Сингапур совершил успешный экономический и социальный прорыв в период с 1965 г. по 1985 г., когда в парламенте не было ни одного представителя оппозиции.

Годами длящиеся преследования представителей оппозиции, бесконечные судебные иски, обвинения в дефамации с последующими штрафными санкциями, неисполнение которых позволяло судам объявить их банкротами остаются действенным средством борьбы с инакомыслием. В соответствии с действовавшим с 1986 г. законом, объявленные банкротами оппозиционные политики автоматически лишались права участвовать в выборах или оставаться членами парламента.

Не меньшее давление со стороны первых лиц государства испытывала на себе местная и иностранная пресса, позволявшая критические высказывания в адрес правительства. Ли Куан Ю, например, начиная с 1965 г., в 22 раза подавал в суд на журнал “Far Eastern Economic Review” за публикацию статей, которые, как он считал, порочили его честь и достоинство. Су-

ществовавшая в стране атмосфера напряженности и даже страха, по словам депутатов парламента от оппозиции, подавляли политическую активность и возможность создания сильной оппозиции.

В ответ на подобные высказывания Ли Сянь Лун заявлял, что он приветствовал бы формирование парламента образца «первого мира» и соответствующую его стандартам оппозицию, Но, сингапурское общество еще к этому не готово. А пока он не против появления «ответственной и лояльной» оппозиции, имея в виду практику предоставления мест в парламенте оппозиции даже в случае ее поражения и введения в его состав «назначаемых членов» преследовали одну и ту же цель, а именно убедить избирателей, что ПНД, занимая доминантные позиции, не исключала необходимость обсуждения в парламенте независимых взглядов по тем или иным вопросам, отличным от позиции правящей партии. Но, в практическом смысле, реализация этой парламентской процедуры позволяла ПНД перехватывать у оппозиции перспективные идеи и планы, имевшие большую социальную значимость и укреплять свою электоральную базу, привлекая к этой деятельности известных и популярных в обществе людей. В итоге возможности оппозиции существенно ограничивались.

И все же стратегия правящей партии имеет свои ограничения. Главный фактор сдерживания исходит от самого общества. Для страны, где выборы всеобщие и обязательные слишком много граждан в них не участвовало.

За этим явлением стоял ряд обуславливавших его причин. Например, политическая инертность и апатия, порожденная жесткой регламентацией всех сторон жизни сингапурского общества. И как следствие отсутствие особой мотивации принимать участие в выборах, результат которых заранее предрешен. Сингапурцы, лишь минимально включены в политический процесс, в основном, в период предвыборных кампаний. Однако многие местные обозреватели рассматривали ситуацию скорее, как «закодированное послание» сингапурцев ПНД, что она должна с большим вниманием относиться к надеждам и чаяниям простых людей, быть более открытой и толерантной по от-

ношению к ее критикам, ослабить свой всеобъемлющий контроль над обществом.

Тем не менее, и это показали итоги выборов 2011 г., уверенность сингапурского руководства в том, что ПНД сохранит свои доминирующие позиции и в будущем пока остаются неоспоримыми.

Так, в частности, деятельность лидеров Сингапура вполне отвечала широко распространенным среди различных слоев общества конфуцианским традиционным представлениям об эффективном управлении. Они обеспечивают нам политическую стабильность и безопасность, материальное благополучие и процветание, рассуждают рядовые граждане, а потому заслуживают доверия и лояльности, даже несмотря на имеющиеся причины для недовольства.

И все же власти не могли не учитывать того очевидного факта, что вступление Сингапура в век информационных и высоких технологий повлекших за собой не только фундаментальные социальные и экономические изменения, но и трансформацию мировоззрения и психологии людей. Все это подталкивало правящую элиту к политической модернизации, расширению каналов двухсторонних связей между правительством и населением. подтверждением тому служила очевидная разница в стиле руководства между первым в истории города-государства премьер-министром Ли Куан Ю и его молодыми преемниками, сначала Го Чок Тоном, а теперь его старшим сыном Ли Сянь Луном. Жесткие, бескомпромиссные, авторитарные методы руководства страной, которые Ли Куан Ю демонстрировал на протяжении всего периода нахождения во власти и которые, в целом, отвечали потребностям форсированного развития страны, сменил более мягкий стиль Го Чок Тона, взявшего курс на создание «открытого и гуманного общества». Сейчас наступает время власти Ли Сянь Луна.

Как бы то ни было, сингапурские лидеры понимают, что Сингапур, став неотъемлемой частью «первого мира», так глубоко втянулся в процесс модернизации, что возвращение к жесткой авторитарной модели власти вряд ли возможен. Однако эта система работает почти без сбоев более 50 лет, и на ее основе построил процветающее государство. Такое наследство

получил премьер-министр Ли Сянь Лун от своего отца – создателя «сингапурского чуда».

После того, как министр-наставник Ли Куан Ю и Го Чок Тон сложили свои полномочия, Ли Сянь Лун упразднил посты министра-наставника и старшего министра.

Теперь Ли Сянь Лун, который в предыдущие четыре года вряд ли был свободен от влияния двух экс-премьеров, получил возможность более полно проявить свой собственный, индивидуальный стиль управления страной, установить более четкие пределы, до которых он готов либерализовать общественно-политическую жизнь, сохранять толерантность в отношении оппозиции в условиях нарастания протестных настроений электората, требующего открытого и представительного правительства.

Судя по заявлениям Ли Сянь Луна, он готов и дальше идти по пути создания более открытого и справедливого общества. Но с определенной долей уверенности можно предположить, что Ли Сянь Лун станет следовать политике дозированных реформ своих предшественников, пределы которых будут корректироваться в зависимости от требований момента. И основополагающие принципы разработанной его отцом модели управления, доказавшей свою эффективность в основном сохранятся неизменными, по крайней мере, на ближайшую перспективу. Построенная на жестком отборе и подготовке будущего лидера (или «управляющего» – ключевой фигуры в системе координат конфуцианской управленческой этики) потенциальных претендентов на высшие посты во властных структурах, она решает двуединую задачу: преемственности и самообновления, что обеспечивает стабильность и успешное развитие системы.

Повзрослевшее сингапурское общество, уже подступающее к своему пятидесятилетию, не оставляет ему другого выбора, как продемонстрировать более гибкую и открытую форму руководства, отвечающую настроениям и реалиям сегодняшнего дня.

Пока Ли Сянь Лун обратился к сингапурцам с призывом помочь ему написать новую главу в истории Сингапура.

- ¹ www.russiansingapore.ru/pz/89/.
- ² Там же.
- ³ The Sunday Times. 14.05.2011.
- ⁴ The Sunday Times. 28.08.2011.
- ⁵ The Sunday Times. 28.08.2011.
- ⁶ Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М., 2007, с. 23-25.
- ⁷ Singapore. 1985, p. 68.
- ⁸ Management of Success. Singapore, 1989, p. 81.
- ⁹ The Straits Times. 17.01.2012.
- ¹⁰ The Straits Times. 05.01.2012.
- ¹¹ Ли Куан Ю. Сингапурская история. «Из третьего мира – в первый». М., 2005, с. 155.
- ¹² <http://app.cpiib.gov.sg/>.